

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ Private Law (Civil Law) Sciences

УДК 347.736

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128

EDN: ZCKTOD

Оригинальная научная статья

Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве)

Р. А. Амиржанов

Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация

✉ r.a.amirzhanov@gmail.com

Аннотация. На сегодняшний день в российском праве представлены различные точки зрения относительно эффекта оспаривания сделок должника при несостоятельности. Согласно одной из них такой эффект не отличается от оспаривания по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации, и является абсолютным или «вещным». С другой точки зрения последствием оспаривания сделки является обязанность контрагента должника компенсировать убыток, который причинила сделка конкурсной массе. Данная позиция получила название обязательственной теории, также в российской доктрине ее называют относительным оспариванием, относительной недействительностью. В статье анализируются проблемные вопросы теории и практики оспаривания сделок должника при банкротстве сквозь призму конструкции относительной недействительности сделок с опорой на сравнительно-правовой опыт. Анализируя теоретические положения в материнском – в данном случае германском – правопорядке, автор обращает внимание на то, что так называемая обязательственная теория не имеет под собой строгих догматических оснований и является ответом доктрины на вызовы практики. Вместе с тем данная теория не лишена изъянов, в связи с чем в последнее время в германском правопорядке все большую востребованность получает теория ответственности, которая позволяет избежать тех трудностей, с которыми не столь успешно справляется обязательственная теория. При анализе практических проблем в российском праве автор приходит к выводу о том, что положения п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации являются эффективным средством для достижения сбалансированных решений на практике, вопреки подходу Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, конструкция, предусмотренная данными нормами права, при правильном понимании является отражением германской теории ответственности в российском праве. Учитывая тот факт, что нижестоящие суды фактически ввели в практику конструкцию относительной недействительности сделок, автор предлагает учитывать теоретические разработки в германском праве для целей решения практических проблем в российском праве.

Ключевые слова: недействительность сделок; относительная недействительность сделок; теории оспаривания сделок при банкротстве; абсолютная теория; относительное оспаривание; теория ответственности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Амиржанов Р. А. Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве) // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 114–128. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128>. EDN: <https://elibrary.ru/zcktod>

© Амиржанов Р. А., 2026

Original scientific article

Models for Challenging Transactions in Insolvency (Bankruptcy)

R. A. Amirzhanov

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ r.a.amirzhanov@gmail.com

Abstract. In Russian law today, various viewpoints exist regarding the legal effect of challenging a debtor's transactions in insolvency. According to one approach, the effect does not differ from challenging a transaction on the grounds provided by the Civil Code of the Russian Federation and is absolute, or "in rem." According to another approach, the consequence of challenging a transaction is the debtor's counterparty's obligation to compensate the loss caused by the transaction to the bankruptcy estate. This position is known as the obligational theory; in Russian doctrine it is also referred to as relative contestation or relative invalidity. The article analyses problematic issues of the theory and practice of challenging a debtor's transactions in bankruptcy through the prism of the construct of relative invalidity, drawing on comparative legal experience. In examining the theoretical foundations in the "parent" legal order—here, German law—the author notes that the so-called obligational theory lacks strict dogmatic foundations and represents a doctrinal response to practical challenges. At the same time, the theory is not without shortcomings; therefore, in recent years the liability theory has gained increasing relevance in German law, enabling avoidance of difficulties that the obligational theory addresses less successfully. When analysing practical issues in Russian law, the author concludes that paragraph 2 of Article 174.1 and paragraph 5 of Article 334 of the Civil Code of the Russian Federation constitute effective tools for achieving balanced outcomes in practice, contrary to the approach taken by the Supreme Court of the Russian Federation. Moreover, the construct embodied in these provisions, when properly understood, reflects the German liability theory within Russian law. Given that lower courts have, in effect, already introduced the construct of relative invalidity of transactions into practice, the author proposes taking German doctrinal developments into account for the purpose of resolving practical problems in Russian law.

Keywords: invalidity of transactions; relative invalidity of transactions; theories of challenging transactions in bankruptcy; absolute theory; relative contestation; liability theory

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Amirzhanov R. A. Models for Challenging Transactions in Insolvency (Bankruptcy). *Siberian Law Review*. 2026;23(1):114-128. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-1-114-128>. EDN: <https://elibrary.ru/zcktod> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В российском праве известна проблема оспаривания сделок должника в связи с несостоятельностью. В настоящей статье анализируются некоторые теоретические и практические аспекты данной проблемы в целях выработки приемлемых конструкций для применения на практике. На сегодняшний день в российском праве представлены несколько точек зрения. Первая из них – так называемая вещная теория, – преобладающая в настоящее время, заключается в том,

что оспаривание при банкротстве ничем не отличается от недействительности сделок в соответствии с Общей частью Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вторая – обязательственная теория – исходит из того, что последствием недействительности сделки должника является обязанность контрагента компенсировать убыток, причиненный сделкой. В российской доктрине этот подход называют относительным оспариванием или относительной недействительностью.

ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Как известно, в российском законодательстве отсутствует специальное регулирование внеконкурсного оспаривания сделок. Вместо этого данный институт прокладывает себе дорогу через практику.

Так, в п. 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 г. № 127¹ говорится о признании ничтожным договора доверительного управления на основании ст.ст. 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), который был заключен с целью сокрытия имущества от обращения взыскания кредитором, как совершенный со злоупотреблением правом. Далее в п. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 32² констатируется возможность признания недействительной сделки должника на основании ст.ст. 10, 168 ГК РФ, если она направлена на нарушение интересов кредиторов. Также в п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63³ указано, что наличие специальных оснований оспаривания, предусмотренных ст.ст. 61.2, 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Федеральный закон о банкротстве), само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой было допущено злоупотребление правом, как ничтожную (ст.ст. 10, 168 ГК РФ). Такой подход влечет ничтожность сделки, то есть полное уничтожение правового эффекта. В пункте 1 ст. 61.6 Федерального

закона о банкротстве предусматривается, что все переданное должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии с гл. III.1 «Оспаривание сделок должника» Федерального закона о банкротстве, подлежит возврату в конкурсную массу.

Между тем данный подход отличается от принятого в западноевропейских странах, в частности в Германии и Австрии, где эффект правового акта нивелируется только в той степени, в которой это необходимо для защиты прав кредиторов [1]. Это явление Х. Коциоль именует «гарантирующей недействительностью» соответственно цели оспаривания сделок должника [2; 3].

Подход российской судебной практики может приводить к неудовлетворительным результатам, поскольку основывается на применении общего регулирования последствий недействительности сделок. Например, если предоставление контрагента должника превышает стоимость предоставленного должником, то несправедливо ставить контрагента в реестр требований кредиторов наравне с другими кредиторами.

Как отмечается в научной литературе, в частности К. А. Усачевой [1], применение универсальной ст. 10 ГК РФ вкупе со ст. 168 ГК РФ было обусловлено отсутствием специального регулирования и необходимостью препятствовать недобросовестным действиям должников. При этом среди ученых нет консенсуса относительно такой модели оспаривания, когда полностью нивелируется эффект сделки.

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»* : Постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 30 апр. 2009 г. № 32. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: *О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»* : Постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2010 г. № 63. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, А. В. Егоров, будучи известным сторонником относительной (обязательственной) модели оспаривания юридических действий должника⁵, являющейся актуальной в современном немецком праве, вслед за германской доктриной понимает под данной моделью обязательственное требование об устранении преимущества (выгоды), которое получил контрагент должника, или об освобождении конкурсной массы от обязательств, принятых с целью причинить вред кредиторам. Среди преимуществ обязательственной модели А. В. Егоров называет:

- приемлемый срок исковой давности – 3 года;
- отсутствие реституции по неэквивалентным или подозрительным сделкам, вместо них – требование о компенсации излишне полученного;
- возможность оспаривания против правопреемника должника по сделке (проблема ликвидации первого контрагента);
- наличие только реестрового конкурсного требования к контрагенту при его банкротстве;
- отсутствие необходимости в отдельном процессе по оспариванию;
- при оспаривании оставления предмета залога за собой имеется лишь обязанность доплатить, но не возвращать вещь в собственность залогодателя.

По мнению А. В. Егорова, правильным является расширительное толкование п. 29.4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63, в котором говорится: «Поскольку оспаривание сделок с предпочтением имеет целью защитить интересы других кредиторов, при оспаривании на основании статьи 61.3 Федерального закона о банкротстве платежа, размер которого существенно превышает разницу между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов

(включенных в реестр требований кредиторов, в том числе опоздавших, а также имеющих и разумно необходимых будущих текущих), суд признает платеж недействительным только в части суммы, равной такой разнице» (курсив наш. – Р. А.).

Говоря о доводах против применения общегражданской модели оспаривания, А. В. Егоров отмечает, что данная модель не работает в таких случаях, как бездействие должника (например, незаявление о пропуске срока исковой давности), процессуальные акты (например, отказ от иска), изготовление произведения в подряде, передача владения, затраты на чужую вещь, иные действия (например, остановка предприятия должником).

Данные тезисы были неоднократно высказывались А. В. Егоровым и заслуживают поддержки, поскольку отстаиваемая им модель заимствована из германской правовой мысли и, соответственно, имеет под собой как доктринальные, так и практические наработки, следовательно, она способствует достижению более сбалансированных решений на практике.

Более того, на наш взгляд, именно такая модель оспаривания, вероятнее всего, будет реализована в законодательстве, когда состоится соответствующая реформа. Отметим, что дискуссия по поводу того, какая из моделей оспаривания – абсолютная или относительная – является более приемлемой для российского права, активно ведется учеными. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть некоторые теоретические и практические аспекты моделей оспаривания с опорой на материнский правопорядок, поскольку они имеют значение для выработки оптимальных решений.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Представляется, что стоит рассмотреть догматические аспекты вещной

⁵ См.: Егоров А. В. Оспаривание сделок при банкротстве: правовая природа / Lextorium // YouTube. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RE2KWCD-G8E> (дата обращения: 20.06.2025).

(абсолютной) и обязательственной моделей оспаривания сделок при несостоятельности более подробно.

Представляют интерес аргументы известного ученого П. Эртманна. Согласно его мнению, если следовать концепции вещного оспаривания, то и притязание является вещным (*rei vindicatio*), но сторонники вещной теории затрудняются более точно определить характер вещного притязания, поскольку лицо, имеющее право на оспаривание, не стало собственником. В таком случае наиболее схожим средством защиты является иск из залога (*actio hypothecaria in rem*). Однако и данное средство остается под вопросом, поскольку необходимо доказать наличие залога на объект, вернувшийся в собственность должника в отсутствие соответствующего акта. По мнению П. Эртманна, спорной является идея генерального залога на имущество, входящее в конкурсную массу, в пользу кредиторов [4]. Следовательно, вопрос активной легитимации по вещному иску остается нерешенным.

Имеет значение личность противника по оспариванию. Так, оспаривание по гражданским основаниям осуществляется против контрагента по сделке, а при кредиторском оспаривании противником по оспариванию является то лицо, от которого требуется возвратить имущество, при этом таким лицом не обязательно должен быть контрагент должника, что следовало из действовавших на тот момент немецких Закона о внеконкурсном оспаривании (*AnfG*) и Закона о несостоятельности (*Konkursordnung*, *KO*). Таким образом, что ни оспаривающее лицо, ни противник по оспариванию не обязательно должны быть сторонами сделки, которая тем не менее должна быть отменена с вещным эффектом.

Из этого следует, что эффект оспаривания *ex tunc*, конечно же, затрагивает и третье лицо – приобретателя. Напротив, кредиторское оспаривание действует только

в отношении противника по оспариванию. Специальное регулирование (*AnfG*, *KO* (ныне – *Insolvenzordnung*, *InsO*)) допускает расширение объема оспаривания по числу лиц. При этом при кредиторском оспаривании возможно оспаривать сделку против третьего лица – приобретателя, если оно знало об оспоримости приобретения его правопродшественником.

Законодательство о несостоятельности допускает оспаривание безвозмездных сделок должника, тогда как безвозмездность сама по себе не является определяющим критерием для признания недействительной сделки по общегражданским основаниям. Однако оспаривание юридических действий не следует отождествлять с оспариванием сделок по общегражданским основаниям, поскольку последние более ориентированы на пороки воли, в то время как специальные составы для целей несостоятельности ориентированы на экономический результат [4, S. 8].

С этим связан решающий аргумент, касающийся терминологии. В. Хенкель подтверждает довод П. Эртманна о том, что использование термина «оспаривание» (*Anfechtung*) носило юридико-технический характер, поскольку законодатель не нашел аналогичного подходящего и понятного термина. Более того, в последующем немецкий законодатель уклонялся от окончательного решения вопроса о природе оспаривания на уровне законов, исключая все формулировки, указывающие на вещный характер оспаривания, что свидетельствует о соответствующем выборе, пусть и не столь явном [5, S. 473]. Иными словами, немецкий законодатель, имея под рукой три разработанные в доктрине теории оспаривания, не сделал четкий выбор в пользу одной из них. Хотя формулировки норм недвусмысленно указывают на то, что выбор этот был не в пользу вещной теории [6, S. 295]. Конкуренция была лишь между обязательственной теорией и теорией ответственности.

В целом проблема вращается вокруг догматического вопроса о том, что происходит в результате оспаривания сделки должника: возникает ли только обязательство вернуть имущество или же передача имущества в результате оспаривания недействительна, так как это имущество подлежит ответственности? В этом смысле можно провести грубое различие между обязательственной теорией и теорией ответственности⁶.

Отмечается, что наука и практика в Германии на протяжении десятилетий склонялись к обязательственной теории, несмотря на некоторую искусственность обязательственного притязания о возврате имущества в качестве последствия оспаривания сделки должника, а также на удовлетворение требования лишь в порядке очереди в случае несостоятельности контрагента должника⁷.

Между тем теория ответственности, обоснованная Г. Паулюсом, в настоящее время становится преобладающей в германском правовом порядке. Ее ключевое значение для практики заключается, помимо прочего, в том, что при последующем отчуждении имущества контрагентом должника или несостоятельности контрагента должника такое имущество не становится частью его конкурсной массы при реализации притязания кредитором должника, оно продолжает отвечать по обязательствам должника [6, S. 295]⁸. Подтверждением этому служит то, что Верховный суд ФРГ в случае оспаривания сделки должника допускает выделение (сегрегацию) имущества из конкурсной массы контрагента должника, если последний также является несостоятельным [6, S. 298]. Тот факт, что обязательственная теория ранее стала доминирующей, объясняется

попыткой преодолеть отсутствие теории, которую можно было бы вывести из законов, связав ее с центральным цивилистическим понятием обязательства [5].

Цель оспаривания сделки должника состоит в предоставлении доступа кредиторам к его имуществу. Согласно преобладающему взгляду в германском праве, имущество, отчужденное должником, отвечает перед его кредиторами. В этом состоит суть обязательственной модели, о которой речь шла выше.

Как полагает В. Хенкель, объект, приобретенный противником по оспариванию, отвечает по долгам должника не потому, что противник по оспариванию будет обязан отвечать (*zur Haftung "Verpflichtet"*), а потому, что оспоримое приобретение *не отменяет ответственность приобретенного предмета по обязательствам должника*, поэтому оспоримое отчуждение должника не имеет юридической силы для целей ответственности.

Полагаем, в таком случае определять данное явление как оспаривание и проводить аналогии с общей частью не стоит. Немецкие ученые признают, что использовать термин *Anfechtung* для банкротного права было бы если не ошибкой, то, скорее, технической потребностью, поскольку в праве отсутствовал функциональный аналог [4; 5].

Обязательственная теория основана на предпосылке, что присвоение объекта посредством фигуры субъективного права не обязательно должно быть однообразным, но может быть дифференцировано в зависимости от различных функций. Помимо прочего, субъективное право, наряду с другими, также имеет функцию, позволяющую говорить об ответственности.

⁶ См.: *Schmidt S. Die Systematik der Voraussetzungen einer Gläubigeranfechtung. Ein Diskussionsvorschlag zur Vermeidung von Kasuistik : Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Rechte. Bonn, 2018. S. 161.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

Должник отвечает всем своим имуществом, то есть всем тем, что закреплено за ним в силу субъективных прав. Функция ответственности может быть отделена от других функций субъективного права (распоряжения, пользования и употребления, исключения третьих лиц и т. д.). Таким образом, вещь, принадлежащая должнику, может не отвечать по его долгам, а вещь, более не принадлежащая ему, может отвечать за его долги [5, S. 477–478]. В результате оспоримо отчужденный объект принадлежит конкурсной массе для целей ответственности, а относительно других функций субъективного права – противнику по оспариванию.

Применительно к теории оспаривания сделок при несостоятельности существует тенденция, заключающаяся в идее такого изменения обязательства, которое поможет объяснить тот или иной подход. Например, предложенная П. Эртманном и ставшая впоследствии превалирующей конструкция – отчужденное имущество по-прежнему принадлежит должнику для цели оспаривания, то есть служит в качестве фонда удовлетворения кредиторов – основывается на идее ответственности вещи по долгу лица, что является неоднозначным [7].

Для более глубокого понимания этого вопроса можно обратиться к весьма важному труду А. фон Бринца. Согласно его рассуждениям, вещи существуют только в праве, оборотоспособны только в связи с субъектами, являются принадлежностью статуса *persona*, его частью [8, S. 17]. Как видно из представленных учений, сегодняшнее понимание ответственности вещи является не чем иным, как отражением господствовавшего ранее представления, в соответствии с которым объектом долга являлся сам человек, и удовлетворение происходило за счет его самого как фигурально, так и буквально.

А. фон Бринц указывал, что *лицо* является объектом не только права принуж-

дения, но и ответственности, поскольку его можно преследовать и требовать его имущество. Из этого следует, что в основном модельном казусе относительной недействительности, где имеет место отчуждение имущества между должником В и приобретателем С, требование кредитора А к С может быть основано только на продолжающемся обязательстве в стадии ответственности, поскольку А не утратил своего правового господства над вещью. В этом смысле не столь важно, основано ли это на отношении опосредованного владения или притязании к отчуждателю.

Для обоснования такой теории критически важно доказать, что вещь, отчужденная третьему лицу, отчасти сохранила свою принадлежность другому – для актуального собственника – лицу. В таком случае потребуется аннулирование (по крайней мере, относительно) акта отчуждения, чтобы восстановить принадлежность вещи к *persona*. Можно было бы предложить контраргумент, основанный на принципе относительности обязательств, сказав, что распоряжение между В и С не прекращает обязательство между А и В. Но возможность эффективного приобретения по доброй совести исключает этот аргумент. По утверждению А. фон Бринца, если в долге выражено, что кто-то должен исполнить, то в нем же обязательно выражено и то, что кто-то должен заплатить своим имуществом за неисполнение [8, S. 39].

Обратной стороной рассматриваемой идеи, как мы понимаем, является освобождающая функция ответственности, то есть такая стадия жизни обязательства, после которого оно прекращается. По мнению А. фон Бринца, исполнение, наложенное лицом на имущество, делает последнее само по себе и для себя предметом обязательства (*rei obligatio*), ответственность лица продолжается до тех пор, пока изъятое у него имущество не будет

полностью отторгнуто от него (*distrahirt*) и кредитор не будет удовлетворен. Личность должника – это объект, который изначально принадлежит ему в полном объеме, но впоследствии все еще используется для удовлетворения кредитора в той мере, в какой актив, необходимый для удовлетворения кредитора, принадлежит ему и может быть от него отделен.

Как видим, множество теорий из разных сфер основаны на не полностью проработанной концепции ответственности. Не вполне ясно, является ли обязанность третьего лица выдать вещь, отчужденную ему по оспоренной сделке, его ответственностью, ответственностью вещи ввиду сохранения ее связи с личностью другого лица или чем-то еще.

Другой сложностью проблематики является ограниченность пределов действия относительной недействительности добросовестностью третьего лица-приобретателя. Возникает вопрос о его позиции в смысле вещного права. Допускает ли относительная недействительность сделки ситуацию, при которой третье лицо станет полным собственником, но в отношении защищаемого относительной недействительностью сделки лица у него будет идти срок приобретательной давности? Подобная конструкция исключает положение расщепленной собственности, поскольку, как следует из п. 2 ст. 234 ГК РФ, позиция давностного владельца не дает защиты против собственника, то есть, с одной стороны, исключается двойственность абсолютного права, а с другой – дается возможность третьему лицу исключить в последующем притязание третьего – для него – лица на вещь. Это является самостоятельным вопросом, требующим отдельного рассмотрения.

Как было отмечено выше, в материнском правовом порядке доктрина и практика столкнулись с рядом теоретических

проблем, которые отразились на практике. В частности, использование термина «оспаривание» в купе с распространением общегражданского режима оспаривания сделок привели к практическим проблемам. В ответ доктрина разработала альтернативные модели, дающие более сбалансированное регулирование, которые были адаптированы на законодательном уровне.

Между тем выбор в пользу той или иной теории, будучи отражением юриспруденции интересов, не является окончательно бесспорным, что отмечается в современной немецкой литературе. В частности, некоторые теоретические проблемы были продемонстрированы выше.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Теория относительной недействительности сделок начинает проявляться на практике в российском праве.

Так, Седьмой арбитражный апелляционный суд на основании Рекомендаций Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по вопросам рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о несостоятельности (банкротстве), принятых по результатам обсуждения на заседаниях круглого стола, состоявшихся 10 июня 2021 г. и 20 августа 2021 г. в Тюмени⁹, отметил:

«...удовлетворение судом заявления финансового управляющего влечет за собой *относительную недействительность* совершенных должником сделок, которая влияет на права и обязанности действительных участников оспаривания (кредиторов должника и контрагентов), но не иных лиц (в частности, супругов должника).

Совершив сделку по отчуждению имущества, супруги выразили свою волю на прекращение в отношении данного имущества режима совместной собственности.

⁹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Последующее признание сделки недействительной в целях защиты имущественных интересов кредиторов не должно влечь правовых последствий для супруга (супруги) должника в виде восстановления права совместной собственности на имущество либо его стоимостное выражение... Таким образом, в случае признания недействительной сделки по отчуждению находящегося в совместной собственности имущества, в результате которой был причинен вред кредиторам, в конкурсную массу подлежит возврату имущество, переданное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, подлежит взысканию стоимость имущества в деньгах. Супруг (супруга) должника не вправе рассчитывать на долю в этом имуществе, либо его стоимость. Это означает, что если супруга должника не оспорила отчуждение транспортного средства на основании пункта 2 статьи 35 СК РФ в разумный срок, предполагается, что отчуждение имущества имело место с ее согласия, а последующее признание данной сделки по иску кредитора должника или его финансового управляющего не влечет для супруги должника никаких правовых последствий, в том числе не порождает права претендовать на доходы от реституционного требования»¹⁰.

Данная позиция также была применена Восьмым арбитражным апелляционным судом в деле № А70-3150/2019¹¹, в котором в рамках процедуры реализации имущества гражданина суд первой инстанции удовлетворил ходатайство супруги должника о приостановлении производства об утверждении положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника, поскольку параллельно в суде

общей юрисдикции рассматривалось дело о разделе имущества, находящегося в общей собственности.

Управляющий обратился с апелляционной жалобой об отмене определения суда первой инстанции. В обоснование жалобы указал, что предметом положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника является задолженность ООО перед ИП, возникшая в связи с признанием судом недействительными сделок, совершенных должником в период осуществления им предпринимательской деятельности, тогда как супруга должника участия в его предпринимательской деятельности не принимала. Денежные средства, полученные должником в результате осуществления им предпринимательской деятельности, были выведены по мнимым сделкам (договором займа) на счета подконтрольного ему ООО с целью сокрытия от взыскания кредиторами. По мнению финансового управляющего, задолженность ООО перед ИП, возникшая в связи с признанием недействительными сделок, совершенных должником в преддверии его банкротства, не может являться имуществом, совместно нажитым в браке.

Как указал Восьмой арбитражный апелляционный суд, в п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)¹² содержится правовая позиция, согласно которой доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов. Статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) презюмируется, что доходы от предпринимательской деятельности относятся к общему имуществу супругов. Если предпринимательская деятельность осуществлялась в период брака, на доходы от нее распространяется

¹⁰ См.: *Постановление* Седьмого арбитраж. апелляц. суда от 19 сент. 2022 г. № 07АП-7766/2019(5) по делу № А27-17245/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Постановление* Восьмого арбитраж. апелляц. суда от 3 дек. 2020 г. № 08АП-11339/2020 по делу № А70-3150/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

режим общего имущества супругов, супруг (бывший супруг) не может быть лишен права на получение части такого дохода при его разделе на основании ст.ст. 38, 39 СК РФ. Следовательно, дебиторская задолженность, возникшая в период брака, по общему правилу, может являться совместной собственностью супругов. Вместе с тем суд апелляционной инстанции подчеркнул, что право требования к ООО возникло в связи с удовлетворением арбитражным судом заявления о признании недействительными совершенных должником в пользу ООО сделок на общую сумму 14 631 919 руб. 90 коп. на основании п. 2 ст. 61.2 Федерального закона о банкротстве.

В случаях, когда в соответствии с законом сделка оспаривается в интересах третьих лиц, она может быть признана недействительной, если нарушает права или охраняемые законом интересы этих лиц. Это означает, что возможность оспаривания определенных сделок, которые относятся к оспоримым, предоставлена лишь лицам, прямо указанным в законе. Механизм оспаривания сделок, совершенных с целью причинения вреда кредиторам, и результат такого оспаривания должны приводить к защите интересов кредиторов, а не иных лиц. Суд не должен допускать ситуацию, при которой регулирование, направленное на защиту прав кредиторов, при вмешательстве иных лиц, претендующих на результат такого регулирования, приводит к ущемлению интересов самих кредиторов.

Далее, опираясь на упомянутые выше Рекомендации Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, Восьмой арбитражный апелляционный суд указал, что в рассматриваемом деле презюмируется, что супруга должника дала согласие на совершение им спорных сделок в пользу ООО, впоследствии признанных недействительными арбитражным судом,

а сделки с ООО по нормам семейного законодательства супругой не оспаривались. Тем самым супруга по умолчанию реализовала свое правомочие собственника перечисленных по спорным сделкам денежных средств по распоряжению этими средствами, которое в силу п. 1 ст. 35 СК РФ осуществляется супругами по обоюдному согласию.

В другом похожем деле¹³ Восьмой арбитражный апелляционный суд пришел к аналогичному выводу о том, что удовлетворение арбитражным судом соответствующего заявления финансового управляющего (конкурсного кредитора) влечет за собой относительную недействительность совершенных должником сделок, которая влияет лишь на права и обязанности действительных участников оспаривания (кредиторов должника и контрагента), но не иных лиц (в частности, не на права супруги должника).

В приведенных выше делах суды демонстрируют более прогрессивный и сбалансированный подход, используя конструкцию относительной недействительности сделок. Однако обращает на себя внимание то, что относительная недействительность сделок используется судами лишь в узком аспекте, а именно применительно к соотношению ст.ст. 34, 35 СК РФ и специальных составов оспаривания сделок по Федеральному закону о банкротстве.

Между тем теоретические выкладки, проанализированные выше, свидетельствуют о том, что конструкция относительной недействительности сделок используется значительно шире, в частности в Германии, и нет серьезных препятствий к тому, чтобы использовать наработанные на протяжении длительного времени теоретические конструкции из германского права, которые прошли проверку на практике, в российском праве.

¹³ См.: *Постановление* Восьмого арбитраж. апелляц. суда от 19 апр. 2021 г. № 08АП-1074/2021, 08АП-1075/2021 по делу № А75-19896/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку суды (нижестоящие, а не Верховный Суд Российской Федерации) положили начало формированию соответствующей практики применения конструкции относительной недействительности сделок в российском праве, то представляется целесообразным пересмотреть подход судов и применительно к иному проявлению относительной недействительности сделок в ГК РФ. Речь идет о нормах п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ¹⁴. При этом членами группы разработчиков отмечается, что п. 2 ст. 174.1 ГК РФ отсутствовал в первоначальном тексте проекта, внесенного в Госдуму, то есть является теневой поправкой¹⁵.

В результате реформы п. 2 ст. 174.1 ГК РФ стал выглядеть следующим образом: «Сделка, совершенная с нарушением запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного в судебном или ином установленном законом порядке в пользу его кредитора или иного уполномоченного лица, не препятствует реализации прав указанного кредитора или иного уполномоченного лица, которые обеспечивались запретом, за исключением случаев, если приобретатель не знал и не должен был знать о запрете».

Соответственно, п. 5 ст. 334 ГК РФ ныне гласит: «Если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное уполномоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного уполномоченного лица были

удовлетворены. Очередность удовлетворения указанных требований определяется в соответствии с положениями статьи 342.1 настоящего Кодекса по дате, на которую соответствующий запрет считается возникшим».

В пункте 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 указано, что сделка, совершенная в нарушение запрета на распоряжение имуществом должника, наложенного судом или судебным приставом-исполнителем, в том числе в целях возможного обращения взыскания на такое имущество, является действительной. Ее совершение не препятствует кредитору или иному уполномоченному лицу в реализации прав, обеспечивающихся запретом, в частности, посредством подачи иска об обращении взыскания на такое имущество¹⁶.

Таким образом, законодатель наделил кредитора правами залогодержателя. На наш взгляд, данная совокупность норм является отражением одного из распространенных решений материнского правапорядка, где защищенному лицу предоставляется особое обеспечительное право (*Absicherungsrecht*), являющееся промежуточным между обязательственным и вещным правом [9, S. 164]. Так, в результате теневого поправок в ГК РФ оказались включены нормы, которые могут стать весьма прогрессивным инструментом частного права, отвечающим тенденциям западноевропейской доктрины и практики.

Однако, по существу, первые проявления конструкции относительной недействительности сделок в российском праве оказались привязаны к арестному залого

¹⁴ См.: *О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации* : Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2327.

¹⁵ См.: Громов А. А., Егоров А. В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки. М. : Акцион-Медиа, 2014. С. 101.

¹⁶ См.: *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации* : Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[10–19], пройдя мимо более важных теоретических и сравнительно-правовых аспектов относительной недействительности сделок.

Более того, Верховный Суд РФ, видимо не оценив задумку разработчиков (или, по крайней мере, лица, внесшего теневые поправки), редуцировал эту конструкцию через привязку к буквальному толкованию нормы п. 5 ст. 334 ГК РФ, в которой говорится: «Если иное не вытекает из существа отношений залога...». Так, Верховный Суд РФ указал: «Неотъемлемой частью приведенной нормы является отсылка при определении лиц, обладающих правами залогодержателя, к статье 174.1 Гражданского кодекса, пункт 2 которой регулирует последствия совершения сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено в судебном или ином установленном законом порядке в интересах кредитора. В соответствии с ранее действовавшим законодательством в ситуации, когда должник в нарушение ареста, наложенного на его имущество в пользу кредитора, отчуждал арестованное имущество третьему лицу, защита прав такого кредитора обеспечивалась посредством признания недействительной сделки по распоряжению имуществом и применением последствий ее недействительности. Согласно же действующим положениям пункта 2 статьи 174.1 Гражданского кодекса соответствующая сделка действительна, что позволяет арестованному имуществу находиться в обороте. Поэтому наделение кредитора правами залогодержателя по правилам пункта 5 статьи 334 Гражданского кодекса обусловлено необходимостью защиты его прав, прежде всего, путем предоставления кредитору возможности обратиться с иском о взыскании на арестованную вещь после того, как ее собственником стало другое лицо, которое знало или должно было знать о запрете

(закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью).

При этом в пункте 5 статьи 334 Гражданского кодекса законодатель лишь приравнивал права взыскателя к правам залогодержателя... Более того, как следует из буквального смысла указанной нормы, правила о возникновении прав залогодержателя действуют, если иное не вытекает из существа отношений залога.

Судебная коллегия считает, что иное (отсутствие прав залогодержателя) вытекает из существа отношений залога в ситуации несостоятельности (банкротства) должника...

Следовательно, названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию подтверждающего обязательство акта государственного органа о взыскании задолженности, и они действуют в рамках общих правил исполнения»¹⁷.

Таким образом, при несостоятельности приобретателя Верховный Суд РФ отказался уравнивать в правах лицо, в пользу которого установлен запрет, с лицом, обладающим правом залога в силу договора, указывая, что предоставление прав залогодержателя защищаемому запретом лицу является механизмом защиты его прав, то есть юридико-техническим средством, а не самой сутью правоотношений.

В результате защищаемое лицо оказывается в невыгодном положении. Предположим, что лицо – собственник – признает сделку недействительной с контрагентом, который в свою очередь, вопреки запрету, отчуждает вещь третьему лицу, оказавшемуся впоследствии несостоятельным. Справедливо ли будет в таком случае решение суда предоставить лишь редуцированный залог? Ведь защищаемое лицо

¹⁷ *Определение Судеб. коллегии по эконом. спорам Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 февр. 2017 г. № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

не вступало в отношения с приобретателем, не знало о его имущественном положении, следовательно, не должно нести соответствующие риски. При этом в отсутствие положения несостоятельности разница между договорным и недоговорным залогами не проявляется столь сильно.

В частности, Р. С. Бевзенко, критикуя упомянутое ранее Определение Верховного Суда РФ, склоняется к той позиции, что «в законе не вводится никаких оговорок на этот счет, и речь идет о возникновении полноценного залога, который в силу общих норм о залоге обладает характеристикой приоритета. Соответственно, если это залог, то банкротство должника или приобретателя предмета ареста не прекращает залог, и кредитор сохраняет приоритет и статус залогового кредитора в деле о банкротстве» [15, с. 16].

В. В. Витрянский, наоборот, воспринимает эту конструкцию отрицательно: «...приведенная норма представляет собой наглядный образец необоснованного вмешательства материального (гражданского) права в чисто процессуальные отношения... В результате истец, ... который в свое время не позаботился о соответствующем обеспечении своего требования к ответчику, вдруг превращается в залогодержателя и может обратиться взыскание на арестованное имущество ответчика... Для этого истцу достаточно просто обратиться в суд с ходатайством о принятии мер по обеспечению иска!»¹⁸.

Несколько абстрагируясь от проблемы арестного залога, еще раз обратим внимание на позиции В. В. Витрянского и Верховного Суда РФ, с которыми отчасти можно согласиться. Однако если

в материальном праве появились нормы, способные сделать качественный рывок в практике, имеет смысл этим воспользоваться. На наш взгляд, проблема применения конструкции относительной недействительности сделок в российской практике может быть решена посредством реализации приведенных выше теоретических выкладок с помощью норм п. 2 ст. 174.1, п. 5 ст. 334 ГК РФ. Более того, Верховный Суд РФ сам делает вывод, что конструкция данных норм является особым механизмом. Если этот механизм правильно интерпретировать, учитывая теорию ответственности внеконкурсного и конкурсного оспаривания сделок должника, будут достигнуты не только преимущества указанной теории, но и разрешатся ее противоречия на практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что существующие в судебной практике проблемы, связанные с применением п. 2 ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ, могут быть нивелированы путем соответствующего применения доктринальных положений германского права, поскольку, во-первых, указанные нормы ГК РФ являются не чем иным, как интерпретацией указанных теоретических положений, а во-вторых, доктринальные и практические наработки германского права получили более глубокую теоретическую разработку и широкое практическое применение, что позволяет российскому правопорядку уже сегодня учитывать накопленный опыт для решения собственных актуальных проблем, возникающих в сходных группах случаев.

Список литературы

1. Усачева К. А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская традиция // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 5. С. 8–54.
2. Коццоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 3. С. 205–294.

¹⁸ Цит. по [10].

3. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 4. С. 199–261.
4. Oertmann P. Die Wirkung der Glaebigeranfechtung // Zeitschrift für den Zivilprozeß. 1904. Bd. 33.
5. Henckel W. Anfechtung im Insolvenzrecht. Berlin : de Gruyter Recht, 2008. 664 S.
6. Bork R., Gehrlein M. Aktuelle Probleme der Insolvenzanfechtung. 14. Auflage. Köln : RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2017. 350 S.
7. Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение : [моногр.]. М. : Статут, 2009. 329 с.
8. Brinz A. Der Begriff Obligatio // Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart. 1874. Bd. I. S. 11–40.
9. Beer H. Die Relative Unwirksamkeit. Berlin : Duncker & Humblot, 1975. 227 S.
10. Егоров А. В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 84–103.
11. Ерохова М. А. Освобождение имущества от ареста в российском праве: вещный иск или административная процедура? // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. М. : Статут, 2014. С. 42–58.
12. Сайфуллин Р. И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 34–78.
13. Суворов Е. Д. Актуальные вопросы исполнения требования, обеспеченного залогом в силу ареста (п. 5 ст. 334 ГК РФ), при банкротстве собственника арестованного имущества // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.069-079>
14. Шварц М. З. К вопросу о так называемом арестантском залоге // Арбитражные споры. 2017. № 2 (78). С. 109–124.
15. Бевзенко Р. С. Эффект залога из ареста в банкротстве собственника арендованной вещи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 9–17.
16. Терещенко Т. А., Ганюшин О. Е. «Арестантский залог»: отдельные вопросы правоприменения // Закон. 2016. № 3. С. 71–87.
17. Тимошин А. И. Момент возникновения залога в силу запрета на распоряжение имуществом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 180–192.
18. Аксенов И. А. Арест имущества должника в исполнительном производстве: сущность, теоретико-правовые и организационные проблемы // Вестник исполнительного производства. 2016. № 3. С. 43–64.
19. Костко В. С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 51–75.

References

1. Usacheva K. A. Out-Of-Insolvency Contestation of the Debtor's Behaviour Causing Harm To Its Creditors: Russian Law and European Legal Tradition. *Civil Law Review*. 2017;17(5):8-54. (In Russ.)
2. Koziol H. Basic Principles and Disputable Points in Relation to the Challenging a Debtor's Activities Undertaken To Its Creditors' Detriment (First Part). *Civil Law Review*. 2017;17(3):205-294. (In Russ.)
3. Koziol H. Basic Principles and Disputable Points in Relation to the Challenging a Debtor's Activities Undertaken To Its Creditors' Detriment (Finale). *Civil Law Review*. 2017;17(4):199-261. (In Russ.)
4. Oertmann P. Die Wirkung der Glaebigeranfechtung. *Zeitschrift für den Zivilprozeß*. 1904;33. (In German.)
5. Henskel W. *Anfechtung im Insolvenzrecht*. Berlin: de Gruyter Recht; 2008. 664 p. (In German.)
6. Bork R., Gehrlein M. *Aktuelle Probleme der Insolvenzanfechtung*. Cologne: RWS Verlag Kommunikationsforum GmbH; 2017. 350 p. (In German.)
7. Karkhalev D. N. *Protective Civil-Law Relationship*. Moscow: Statut Publ.; 2009. 329 p. (In Russ.)
8. Brinz A. Der Begriff Obligatio. *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*. 1874;I:11-40. (In German.)
9. Beer H. *Die Relative Unwirksamkeit*. Berlin: Duncker & Humblot; 1975. 227 p. (In German.)
10. Egorov A. V. Charge by Court Order: Theoretical and Practical Problems. In Russia and Abroad. *Herald of Economic Justice*. 2016;9:84-103. (In Russ.)
11. Erokhova M. A. Release of Property from Seizure in Russian Law: An In Rem Claim or an Administrative Procedure? In: Shirvindt A. M. (Ed.). *Aequum ius. From Friends and Colleagues on the 50th Anniversary of Professor D. V. Dozhdev*. Moscow: Statut Publ.; 2014. P. 42–58. (In Russ.)
12. Sayfullin R. I. *Non-Consensual Lien: Optimal Regulation Model*. *Herald of Economic Justice*. 2020;10:34-78. (In Russ.)
13. Suvorov E. D. Current Issues of Enforcing the Claim Secured By Pledge Formed By Operation of Attachment (Para. 5 Article 334 of the RF Civil Code) When the Owner of the Seized Property Is Bankrupt. Actual Problems of Russian Law. 2017;8:69-79. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.069-079> (In Russ.)
14. Schwarts M. Z. On the So-Called Arrest Pledge. *Arbitrazhnye spory*. 2017;2:109-124. (In Russ.)

15. Bevzenko R. S. The Effect of a Pledge Arising from Seizure in the Bankruptcy of the Owner of a Leased Asset. *Herald of Economic Justice*. 2017;4:9-17. (In Russ.)
16. Tereshchenko T. A., Ganyushin O. E. "Convict Pledge": Some Issues of Law Enforcement. *Statute*. 2016;3:71-87. (In Russ.)
17. Timoshin A. I. The Moment of Creation of a Pledge by a Property Freeze Order. *Herald of Economic Justice*. 2019;6:180-192. (In Russ.)
18. Aksenov I. A. Seizure of a Debtor's Property in Enforcement Proceedings: Essence, Theoretical-Legal and Organisational Issues. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva*. 2016;3:43-64. (In Russ.)
19. Kostko V. S. Legal Implications of Disposal of Assets Prohibition (Art. 174.1(2) of the Civil Code of the Russian Federation). *Civil Law Review*. 2015;15(2):51-75. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустам Арманович Амиржанов, аспирант кафедры гражданского права, младший научный сотрудник кафедры гражданского права Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3105-2905>; e-mail: r.a.amirzhanov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Rustam A. Amirzhanov, postgraduate student of the Department of Civil Law, Junior Researcher of the Department of Civil Law at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3105-2905>; e-mail: r.a.amirzhanov@gmail.com

Поступила | Received
21.08.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
31.08.2025

Принята к публикации | Accepted
01.09.2025